

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ В США

А.С. Ходнев

«Публичная история», возникшая в США в 1970-е гг., стала новым глобальным широко разрастающимся направлением использования прошлого в разных социокультурных практиках. С одной стороны, в создание нового контента истории энергично вмешиваются непрофессиональные активисты: журналисты, кино- и телережиссеры, простые граждане, создающие различные общества. С другой – увеличивается количество образовательных программ публичной истории в университетах, и академическое сообщество пытается наладить диалог с публичными историками. В современном общественном мнении США возникают конфликты и дискуссии по поводу сноса памятников, новых популярных мюзиклов с использованием истории или компьютерных игр. Почему необходимо изучать публичную историю в США?

Ключевые слова: публичная история, использование прошлого, историческая память, идентичность, цифровая история, цифровые гуманитарные науки

«Public History», which arose in the USA in the 1970s, has become a new global widely spread trend of using the past in various sociocultural practices. On the one hand, nonprofessional activists vigorously interfere in the creation of new content of history: journalists, film and television directors, ordinary citizens who create different societies. On the other hand, the number of educational programs of public history in universities is increasing, and the academic community is trying to establish a dialogue with public historians. In today's public opinion of the United States there are conflicts and debates about the demolition of monuments, new popular musicals using history, or computer games. Why is it necessary to study public history in the U.S.?

Key words: public history, the usable past, historical memory, identity, digital history, digital humanities

Социокультурные практики – обширное понятие, включающее как отдельных лиц, проявляющих себя в любой культуре или субкультуре, так и целые социальные группы, выстраивающие свою культурную идентичность, обычаи и знания, способность их передавать и взаимодействовать с другими сообществами.

Новым глобальным трендом с начала XX в. стало активное вмешательство в историю непрофессиональных акторов: журналистов, кино- и телережиссеров, простых граждан. Эти новые практики свободного социокультурного использования прошлого часто стали именовать «публичной историей» наряду с «популярной», «релевантной» историей. Термин появился в США в 1970-х гг. В 1990-е гг. публичная история успешно преодолела Атлантику и вызвала бурные дискуссии в Европе.

На рубеже второго десятилетия XXI в. публичная история стала реальностью и в России. В настоящее время в шести российских университетах открыты магистерские программы публичной истории¹. Как и любое другое поле истории, публичная история при общих глобальных признаках имеет национальные особенности. В России появление публичной истории стало ответом на стремление государства монополизировать публичное пространство, связанное с использованием прошлого. А.И. Миллер считает, что в настоящее время отличительной чертой использования прошлого в России является активизация политики памяти и политизация истории² при непосредственном участии государства. Политику истории государство объясняет необходимостью поднять уровень патриотизма при помощи преподавания истории в школе, политической борьбой в области исторической памяти с внешними врагами и вытеснением неугодных взглядов и интерпретаций³. Следовательно, по инициативе государственных институтов в рамках политики истории прекращается диалог между обществом и государством в области использования прошлого. Эти признаки служат, пожалуй, главными маркерами, отличительными чертами публичной истории в России. В условиях отсутствия диалога между государством и публичной сферой общества случаются серьезные конфликты вокруг единого учебника истории, исторических памятников, а также в области оценок прошлого и деятельности таких исторических личностей, как И.В. Сталин, Иван Грозный и других. Вместе с тем,

---

¹ Образовательные программы в российских университетах (<http://rpublichistory.ru/edu/edum.html/>).

² Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 8.

³ Там же. С. 12–13.

по мнению Е.М. Исаева, в России «сегодня мы наблюдаем становление публичной истории как процесса переосмысления роли истории и историка в публичном пространстве, которое отчасти является результатом реакции на историческую политику, проводимую элитами»⁴.

Публичная история в США находится в контексте нормального диалога между обществом и государственными институтами, а также между академической и публичной историей. Публичная история в США, хотя и не имеет до сих пор четко очерченных предметных академических рамок, ведет себя как любая другая историческая дисциплина. Появился журнал «Паблик Хисториан», который публикует статьи по методологии, возникли профессиональные сообщества. Например, с 1979 г. активно работает Национальный совет публичной истории (НСПИ), переехавший в 1980 г. из Калифорнии в Вашингтон. К этому времени получили дипломы первые выпускники университетских программ публичной истории. НСПИ имеет внушительный список попечителей, организующих сбор финансовых средств и поддерживающих начинания совета. На ежегодных собраниях НСПИ обсуждаются важные проблемы дальнейшего развития публичной истории. Например, в 2017 г. на рабочих группах предлагали такие темы для обсуждения, как «Встреча с цифровым посредником: участие сообщества в цифровом мире», «Посредничество в интерпретации раннего американского прошлого для современной публики», «Образование в области публичной истории и экологическая устойчивость», «Пусть они услышат это: изучение роли публичной истории в сохранении наследия радио», «Коммуникация в истории как отдельная область исследований», «Спорт в кампусе: спортивные традиции как публичная история и память»⁵. Заметим, что многие из этих тем сформулированы как вполне современные научные проекты, заслуживающие интереса со стороны профессиональных историков. Иными словами, эти исследования могут продвинуть к новым рубежам весь корпус исторической науки.

Как сами публичные историки в стране ее зарождения, Соединенных Штатах, определяют себя и свое место? На ежегодной конференции в г. Санта-Фе в апреле 2007 г., после нескольких десятилетий существования, НСПИ объявил, что согласовано определение публичной истории как «движения, методологии и подхода, который развивает совместное изучение и практики истории. Лица, его практикующие, выполняют

---

⁴ Исаев Е.М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. 2016. История. Вып. 2 (33). С. 10.

⁵ Working groups (<http://ncph.org/conference/2017-annual-meeting/working-groups/>).

миссию передачи специальных идей и наблюдений для того, чтобы они стали доступными и полезными для общественности»⁶. Обратим внимание на ключевые слова в этом определении: «совместное изучение» с включением большой аудитории и «движение». Иными словами, подчеркнуто отсутствие реального предмета и научной дисциплины. Вместе с тем, сравнивая вышеперечисленные определения, важно отметить, что дефиниция, предложенная НСПИ, не упоминает о некоей субординации или противопоставлении академических историков и широкой публики. Речь идет о том, чтобы соблюдалось уважение в ходе совместного изучения истории, и академические историки должны быть ближе к современным средствам передачи идей, полезных для общественности. Переводя все это на обычный язык, получается, что публичная история – это история, которая рождается за пределами академического мира, появляется «снизу» и использует понятные широкому кругу современников способы и формы передачи исторической памяти.

В связи с неясной и далекой от академичности формулировкой публичной истории как «движения, методологии и подхода», многие специалисты в США противоречиво высказываются по поводу своего отношения к этому направлению. Например, профессор Техасского университета Скотт Сосеби и редактор журнала «Ист Тексас Историкал Джорнал» писал: «Как и многие в моей профессии, я действительно не имел в течение многих лет четкого мнения о том, что собой представляет “публичная история”. Время от времени студенты спрашивали меня, что понимают под термином “публичная история”, и я бормотал с каким-то смутным чувством о музеях, архивах, парковых комплексах и все, что мне приходило в голову в тот момент. Правда заключалась в том, что я не только не имел понятия о публичной истории, меня это не интересовало»⁷.

Профессор Университета Массачусетса в Амхерсте Д. Глассберг в программной статье в журнале «Паблик Хисториан», опубликованной в 1996 г., выражал сожаление по поводу дисциплинарной запутанности публичной истории. Д. Глассберг подчеркивал, что университеты, выдавая дипломы публичных историков, не давали ответ на главный вопрос – чем отличается публичная история от обычной академической: «Мы считаем, что публичная история представляет собой набор карьерных путей, а не последовательный предмет изучения»⁸.

---

⁶ Public History Defined? (<http://blog.historians.org/2007/06/public-history-defined/>).

⁷ *Sosebee M.S.* The Practice of Public History: A Special Issue // *East Texas Historical Journal*. 2012. Vol. 50. No. 1. P. 9.

⁸ *Glassberg D.* Public History and the Study of Memory // *The Public Historian*. 1996. Vol. 18. No. 2. P. 7.

Профессор Университета им. Дж. Мейсона в США М.Т. Келли сообщил автору этой статьи, что лишь 2 преподавателя его департамента идентифицируют себя с публичными историками, остальные два десятка именуют себя просто историками⁹. Иными словами, удовлетворительного интеллектуального определения публичной истории никто не дал, и это создает путаницу в самоидентификации историков. Вместе с тем, журналисты, режиссеры, издатели часто радуются, когда их называют «публичными историками». Известный журналист и писатель А. Хочшилд ликовал в 2010 г.: «Только в прошлом году я начал понимать фразу “публичная история”. Я благодарен за это, потому что теперь, наконец, я знаю, как назвать себя. Всю жизнь я испытывал дискомфорт, когда люди представляли меня как историка, поскольку у меня нет диплома, я не преподаю на историческом факультете, и меня интересует история для широкой публики. Теперь я чувствую себя одним из героев Мольера, который был взволнован, обнаружив, что всю свою жизнь он говорил прозой. Ибо, когда теперь кто-то спрашивает меня, что я делаю, я могу сказать, что я занимаюсь публичной историей»¹⁰.

Публичная история меняется в зависимости от времени, от постановки в обществе новых вопросов прошлому. Публичная история, как никакая другая общественная дисциплина, зависит от влияний социального контекста, социокультурных практик, цивилизационных запросов, развития техники, особенно компьютеров и программ обработки информации.

В.А. Тишков¹¹ справедливо заметил два процесса бытования истории как цехового ремесла в середине 1970-х гг. в США: подъем интереса к истории в связи с 200-летием провозглашения независимости США, а также кризис истории в Соединенных Штатах. Например, он приводит внушительные цифры одобренных властями мероприятий к 200-летию юбилею Американской революции в 1976 г.: 88 892 проекта и мероприятия, в которых историки и не только историки принимали самое активное участие¹². Помимо этого, накануне упомянутого юбилея появилось много общественных движений, связанных с изучением прошлого, практически в каждом штате, каждом графстве. В них участвовали тысячи людей, которым стало интересно изучать историю своего населенного пункта. «Бурный рост интереса к истории страны, получивший наименование “феномена корней”, породил целую армию

---

⁹ Ходнев А.С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 219.

¹⁰ Hochschild A. Adventures in Public History // The Public Historian. 2010. Vol. 32. No. 4. P. 85.

¹¹ Тишков В.А. История и историки в США. М., 1985.

¹² Там же. С. 5.

любителей истории; довольно широкие масштабы приобрело движение за охрану памятников истории и культуры», – писал В.А. Тишков¹³. В фокусе внимания В.А. Тишкова были профессиональные историки. Однако он не обошел вниманием и публичную историю. По мнению В.А. Тишкова, термины «публичная история», «публичный историк» «обозначали образовательную ориентацию и сферу занятости историков за пределами высшей школы (академии)»¹⁴. Он подчеркнул, что кризис занятости среди историков стал главной причиной появления публичной истории в США. В конце 1970-х гг. в американских университетах было уже 50 программ подготовки публичных историков¹⁵. В.А. Тишков заметил, что образовательные программы публичной истории открывались преимущественно не в элитных вузах, а в небольших провинциальных университетах, «выпускникам которых достается работа не столь престижного характера»¹⁶. С тех пор многое изменилось, и во многих престижных университетах США появились образовательные программы с наименованием «публичная история» или «введение в публичную историю».

В 2017 г. появилась статья о практиках публичной истории в США в журнале «Неприкосновенный запас»¹⁷. Большая часть этих публикаций в постановке вопросов посвящена промежуточному и даже зависимому положению публичной истории, описанию поиска мест работы для публичных историков, а также экстремальной и противоречивой роли профессиональных историков в этом контексте. Это отражает реальную действительность. Вместе с тем, публичная история в США в современном ее виде не только способна заявить о себе самостоятельно, но и завоевать новые области культурных практик.

К 1992 г. публичная история сумела серьезно расширить свою популярность и влияние среди профессиональных историков в США. Американская историческая ассоциация (АИА) приняла специальный документ «Заявление о стандартах профессионального поведения», в котором признавала, что профессия историка прошла существенную диверсификацию, и деятельность публичных историков признавалась легитимной. Еще четыре достижения публичной истории считаются важными за первые 15 лет ее существования. Первое – создание НСПИ и Общества истории в федеральном правительстве, частной некоммерческой организации, призванной представлять интересы историков

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 84.

¹⁶ Там же. С. 85.

¹⁷ См.: *Завадский А., Исаев Е., Склез В., Суверина Е.* Публичная история: между академическим исследованием и практикой // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 2. С. 22–34.

на федеральном уровне. Последний институт стал в значительной степени трибуной публичных историков. Второе начинание было связано с появлением упомянутого выше периодического журнала «Паблик Хисториан». Журнал освещает разнообразную деятельность публичных историков и делится методологией нового направления. В качестве третьего достижения был назван один из ведущих журналов, «The Journal of American History», включивший в число важных для публикации тем публичную историю. Историков, популяризовавших новоиспеченное направление, также хвалили за то, что они поставили новые вопросы. Например, развивали методологию исторического исследования землепользования и мест размещения токсичных отходов в США¹⁸.

Однако всегда существовали и сомнения в признании нового направления. Патриция Муни-Мелвин в сборнике «Публичная история: полевые эссе», считающегося классикой публичной истории и рекомендованного на сайте АИА, писала: «Возможно, я слишком требовательная. Возможно, я должна радоваться, что в профессии что-то меняется к лучшему. Возможно, я – неблагоприятная. Тем не менее, я не удовлетворена. Я по-прежнему встречаю коллег в мире академии, которые убеждены в том, что публичная история не является чем-то серьезным, что мои студенты просто менее способные, поскольку они выбрали публичную, а не традиционную историю»¹⁹.

Руководство НСПИ сообщает на своем сайте, что в настоящее время существует более 200 образовательных программ публичной истории в Северной Америке. При этом большая часть из них (152) – это программы для студентов магистратуры и аспирантов. Публичную историю преподают в 45 штатах США из 50²⁰. Руководство по образовательным программам сообщает подробную информацию по направлениям и профилям подготовки. Обращает на себя внимание большое количество программ мастера по истории, но с сертификатом или концентрацией в области публичной истории (75). Программ с «чистой» степенью мастера в области публичной истории в два раза меньше – 36. Подобную картину можно наблюдать, читая это руководство для студентов по направлению подготовки бакалавров и по программам PhD²¹. В целом тенденция подготовки историков в университетах для публичной сферы: бизнеса и крупных корпораций, архивов и национальных

---

¹⁸ *Mooney-Melvin P.* Professional Historians and the Challenge of Redefinition // *Public History: Essays from the Field* / Ed. by J.B. Gardner, P.S. LaPaglia. Malabar (Fla.), 2004. P. 15.

¹⁹ *Ibid.* P. 15.

²⁰ *Weyeneth R.* Perspectives on the Field (http://ncph.org/program-guide/?fwp_program_type=public-history-graduate-program/).

²¹ См.: Guide to Public History Programs (<http://ncph.org/program-guide/>).

парков, музеев, правительственных организаций и исторических обществ – существенно укрепилась за последние десятилетия.

Занятость выпускников, получивших ученую степень в области истории, и место их работы – один из важнейших показателей устойчивости и успеха учебной программы университета. В США существует система рецензирования академических программ. Их результаты обязательно находятся в офисах деканов для того, чтобы информировать будущих студентов. АИА внимательно отслеживает ситуацию на рынке труда профессиональных историков и моментально оповещает все заинтересованные стороны академического мира. Например, в апреле 2017 г. на сайте этой ассоциации появилась статья П. Стертеванта «История – не бесполезная специализация: борьба против мифов»²². Автор рассказывает, что на протяжении последних 20 лет консультанты по карьере, различные администраторы и государственные чиновники убеждали студентов колледжей и их родителей в том, что единственный путь к высокооплачиваемой работе пролегал только через получение образования в области STEM (Science, technology, engineering, and mathematics – точные науки, информационные технологии, инженерное дело и математика). В общественном мнении складывалось представление о специализации в области гуманитарных наук как абсолютно бесполезной.

Это привело к тому, что количество студентов, специализирующихся по истории, существенно упало. Об этом свидетельствуют цифры выпускников программ бакалавриата. В 2015 г. дипломы историков получили 28 157 выпускников, что на 9,8% меньше по сравнению с 2014 г.²³ Пол Стертевант видит причину в распространении мифов. Первый из этих мифов рисует, по его мнению, жизнь человека с дипломом университета по истории, как совершенное отсутствие достойной работы или неполную занятость, которая приводит к образу жизни, описываемому в Америке фразой: «Хотели бы вы картошку фри с этим?»²⁴

Для разрушения этого мифа Пол Стертевант использовал массивный репозиторий данных Обследования американского общества (ACS),

---

²² *Sturtevant P.B.* History Is Not a Useless Major: Fighting Myths with Data // Perspectives on History // American Historical Association. April 2017 (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/april-2017/history-is-not-a-useless-major-fighting-myths-with-data/>).

²³ Ibid.

²⁴ «Хотели бы вы картошку фри с этим?» («Would you like fries with that?») – эта фраза показывает положение бедного человека с двух сторон: либо он вынужден, считая каждый доллар, питаться в ресторане фастфуда, либо он сам работает в этом фастфуде, получая доход, не соответствующий его ученой степени.

проводимых Бюро переписи населения США с 2000 г. Эти опросы за 2010–2014 гг. показали, что лишь 4,6% специалистов по истории в возрасте от 25 до 64 лет были безработными. В среднем по стране 7,7% специалистов с разными дипломами университетов были безработными²⁵. Следовательно, специализация по истории вовсе не означает, что человек опускается на социальное дно общества.

Почти каждый пятый обладатель диплома по истории находит работу в сфере образования, еще 15% занимают управленческие должности в бизнесе, 11% становятся юристами при получении дальнейшего образования. Таким образом, миф о «картошке фри», по мнению автора, не подкреплён данными: только 1,7% от обладателей дипломов по истории работают в приготовлении пищи, по сравнению с 5% выпускников в целом²⁶.

Статистика свидетельствует о еще одной важной тенденции последних лет: почти половина выбравших специализацию по истории перешли в аспирантуру. Это гораздо более высокий процент, чем средний по стране (37%)²⁷. Пол Стертевант полагает, что это может быть связано с тем, что юриспруденция, управление и образование требуют углубленного изучения истории в аспирантуре²⁸. Зная об этих настроениях студентов и их родителей, департаменты истории университетов делают соответствующие рекомендации по профилям, важным на этапе обучения по направлению мастера и PhD.

Итак, публичная история в виде социокультурных практик репрезентировала себя, прежде всего, в возможностях профессионального роста и расширении мест работы историков. В связи с этим, Л. Йорданова подчеркивала, что в Северной Америке термин «публичная история» применяют в узком смысле и относят в большой степени к презентациям исторического материала в музеях, и с этим связана деятельность группы профессиональных историков²⁹. Действительно, публичную историю связывают с музеями, выставками, национальными парками, охраной исторических памятников и подобными мероприятиями.

Однако история, существующая в общественном пространстве, выглядит намного шире и разнообразнее. Д. Гласберг выделил следующие, по его мнению, главные социокультурные практики публичной истории: 1. публичная история и политическая культура; 2. публичная история и популярная культура; 3. публичная история как место кон-

---

²⁵ *Sturtevant P.B.* Op. cit.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Jordanova L.* Public History // History Today. 2000. Vol. 50. No. 5. P. 20.

струирования сознания и идентичности; 4. публичная история и изучение памяти³⁰.

Сегодня в США, пожалуй, самые злободневные события происходят в области использования прошлого в политических столкновениях вокруг памятников конфедератам эпохи Гражданской войны (1861–1865). Пресса сообщает, что всего в 31 штате было возведено более 700 памятников сторонникам Конфедерации. Движение по сносу памятников и против демонстрации флага Конфедерации началось в июне 2015 г., когда белый расист расстрелял нескольких афроамериканцев в церкви г. Чарльстон (Южная Каролина). У нападавшего Д. Руфа в социальных сетях была обнаружена фотография со знаменем Конфедерации, что и спровоцировало начало общественного движения по сносу памятников. Если памятники не удастся снести, то на них часто рисуют лозунги: «Жизнь черных имеет значение». Четырнадцатого августа 2017 г. толпа демонстрантов штурмовала памятник Конфедерации возле здания суда в г. Дарем (Северная Каролина) и свергла бронзовую статую с постамента под восторженные крики собравшихся. В г. Балтимор (Мэриленд) памятник, изображающий умирающего солдата Конфедерации, был облит красной краской³¹.

Этот случай затрагивает несколько проблем, связанных со столкновением официальной версии истории с несколькими проявлениями народных вариантов, и можно говорить о политике публичной истории, как о части политики истории в США. Памятники конфедератам сносят, поскольку, по мнению местных властей в ряде штатов, они не должны стоять в общественных местах как символы рабства, насилия и ненависти. Однако это привело в движение силы, протестующие против этих актов. Все эти волны общественных движений в современной Америке связаны с использованием прошлого в контексте публичной истории.

Еще один непростой случай, вызвавший если не конфликт, то серьезную интеллектуальную дискуссию из-за использования прошлого, связан с появлением в 2015 г. популярного мюзикла «Гамильтон» («Hamilton»). Публичная история может часто проявлять себя в популярной культуре: кино и мюзиклах. Впрочем, известны случаи вторжения публичной истории и в высокие жанры культуры, такие как современная опера. Например, известный композитор Ф. Гласс создал оперу «Сатьяграха» о жизни и борьбе Махатмы Ганди в Индии.

---

³⁰ См.: *Glassberg D. Public History and the Study of Memory // The Public Historian. 1996. Vol. 18. No. 2. P. 7–23.*

³¹ Как в США сносят памятники конфедератам (<https://www.rbc.ru/photoreport/17/08/2017/599553cb9a794733048927a0/>).

Автор мюзикла «Гамильтон» — известный композитор, сценарист, актер и певец Л.М. Миранда. В основу был положен текст добротной большой биографии А. Гамильтона, написанный Р. Черноу³², который является не профессиональным историком, а журналистом и писателем, популяризирующим историческое прошлое. На сцене Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, М.Ж.П. де Лафайет, А. Гамильтон и другие исторические персонажи разговаривают, поют и двигаются в стиле рэп, иногда ритм-энд-блюз. Несмотря на найденные неточности в сюжете, школьные учителя рекомендовали «Гамильтон» для просмотра своим ученикам в целях изучения истории США³³. Однако нашлось много критиков подобного решения.

В области культурных практик и контекстов публичной истории важными для изучения являются труды профессора Р. Розенцвейга³⁴ и Дж. де Гру³⁵. Р. Розенцвейг был связан и еще с одним именитым исследователем культурной истории в США — Лоуренсом Ливайном. На мой взгляд, труды Л. Ливайна³⁶ и его исследование иерархии культур в США с позиций «высокобровой/низкобровой культуры» («High Brow/Low Brow cultures») недооценено в России, и оно может углубить методологическую базу исследований практик публичной истории.

За последние десятилетия мы стали свидетелями резкого увеличения доступа к исходным материалам и разработке цифровых инструментов, которые облегчают анализ и распространение различных интерпретаций истории. Эти перемены медленно, но верно меняют то, как историки относятся к своим исследованиям и к их аудитории. Доступ и распространение, однако, являются лишь частью научной цифровой революции. Возникновение сообществ ученых по целому ряду дисциплин, которые идентифицируют себя как историки, работающие с информационными технологиями, привело к тому, что коренным образом изменяются вопросы, которые ученые могут задавать историческим источникам. А это уже перемены в методике работы с источниками и в методологии.

Если взглянуть на темы академических конференций, можно убедиться в том, что цифровые технологии все больше определяют повестку дня большинства научных обществ в области гуманитарных наук.

---

³² См.: *Chernow R.* Alexander Hamilton. N.Y., 2004.

³³ How Teachers Are Using 'Hamilton' the Musical in the Classroom (<http://ww2.kqed.org/mindshift/2016/03/14/how-teachers-are-using-hamilton-the-musical-in-the-classroom/>).

³⁴ *Rosenzweig R., Thelen D.* The Presence in the Past: Popular Uses of History in American Life. N.Y., 1998.

³⁵ *De Groot J.* Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. London; N.Y., 2009.

³⁶ См.: *Levine L.W.* Highbrow/Lowbrow: The Emergence of Cultural Hierarchy in America. Cambridge (Mass), 1988.

В своей первой президентской колонке в 2012 г. президент АИА У. Кронон пообещал призвать «АИА и ее членов систематически думать о цифровой трансформации нашей дисциплины»³⁷. На конференции АИА в 2012 г. более двадцати сессий были посвящены различным аспектам исследований цифровой истории, методов, инструментов и ее преподавания. НСПИ, Организация американских историков (ОАИ) и Американская ассоциация государственной и местной истории в течение последних нескольких лет включали сюжеты о цифровой истории в свои конференции. Проекты цифровой истории получают награды за качество исследований, подходы к обучению навыкам исторического мышления и способность к распространению истории на новые аудитории³⁸.

Хороший пример вторжения нового, цифрового элемента в культуру работы историка привел Р. Розенцвейг в статье об исторической части «Википедии». Он подчеркивал, что профессия историка редко требует коллективизма в работе: «Историческая наука характеризуется „притяжательным индивидуализмом“»³⁹, роль и ответственность автора за результаты исследования была всегда высокой. Р. Розенцвейг называет чудом огромное количество анонимных статей в «Википедии», поскольку анонимность невообразима в культуре работы историка. В то же время в «Википедии» большинство статей так или иначе связано с историей. Цифры общего количества статей «Википедии», которые приводил Р. Розенцвейг, давно уже превышены. Рубеж в 5 млн статей английская часть «Википедии» прошла в 2015 г.⁴⁰ Количество статей в русской части «Википедии» в 2017 г. составило 1 436 155⁴¹.

Р. Розенцвейг подчеркивает главный принцип цифровой истории — *свободу*: свободу написания текстов, свободу доступа, свободу использования, свободу использования программного софта, на котором основана «Википедия» (огромное количество сайтов в Интернете сделано на основе софта «Википедии»). Он разбирает и другие важные особенности «Википедии», делающие ее самым важным источником для многих людей и, прежде всего, для студентов. Это часть публичной истории

---

³⁷ Cronon W. The Public Practice of History in and for a Digital Age / Perspectives on History (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/january-2012/the-public-practice-of-history-in-and-for-a-digital-age/>).

³⁸ Scholars as Students: Introductory Digital History Training for Mid-Career Historians // Roy Rosenzweig Center for History and New Media, George Mason University August 31, 2015.

³⁹ Rosenzweig R. Can History Be Open Source? Wikipedia and the Future of the Past // Journal of American History. 2006. Vol. 93. No. 1. P. 117.

⁴⁰ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Английская_Википедия/

⁴¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Количество_статей_в_русской_Википедии#2017/

или превращения гуманитарного знания в цифровой мир, и движение в сторону информационного общества. Тем не менее, цифровая среда не дает сразу качественную историю в отличие от конвенционной истории. Ответ на этот вопрос, являются ли тексты из «Википедии» хорошей историей, скорее отрицательный, нежели положительный. Тем не менее, бесплатная и открытая энциклопедия «Википедия» представляет собой серьезный вызов для хорошо зарекомендовавшей себя и, казалось бы, авторитетной энциклопедии *Britannica*, а также для нового ресурса *Microsoft Encarta*. Если любители в «Википедии» без всякой оплаты сумели обогнать дорогостоящую справочную систему *Microsoft Encarta* и предоставить удивительно полный и в значительной степени точный портрет крупных и второстепенных фигур в истории США, это можно считать большим успехом цифровой истории. Однако Р. Розенцвейг успокоил профессиональных историков – они не должны бояться, что «Википедия» лишит их работы. Хорошие исторические тексты требуют не только фактической точности, но и чтения большого объема научной литературы, убедительного анализа, глубоких интерпретаций, ясного и захватывающего рассказа. Этими качествами, по мнению Р. Розенцвейга, другой ресурс «Американская национальная биография в интернете» (*American National Biography Online*) легко превзошла «Википедию»⁴².

Статья Р. Розенцвейга с анализом «Википедии» в одном из ведущих исторических журналов США – «The Journal of American History» – имела интересное продолжение. Журнал стал постоянно публиковать обзоры сайтов по истории в Интернете.

Интернет изменил в настоящее время все пространство, которое окружает историка. Интерактивность и включенность в новые медиа, использование новых инструментов и архивов бросает вызов всей иерархии знаний в области гуманитарных наук. Профессор Манчестерского университета и один из современных гуру публичной истории Дж. де Гру подчеркивал, что создание в Интернете доступных для всех архивов не только изменяет формы, в которых воспроизводится культура, но и совершает более глубокие перемены в самой сущности, в которой эта современная культура действует⁴³. Архивы в Интернете и новые медиа предлагают иную модель действий историка – это одновременно создание, использование, а также часто обмен информацией, как это бывает при пользовании интернет-ресурсами. Цифровые гуманитарные науки (*Digital Humanities*) открывают перед историками новые возмож-

---

⁴² *Rosenzweig R.* Can History Be Open Source? Wikipedia and the Future of the Past // *Journal of American History*. 2006. Vol. 93. No 1. P. 129.

⁴³ *De Groot J.* *Op. cit.* P. 91.

ности и, прежде всего, доступ к новым базам данных в США. Например, Национальная историко-географическая информационная система (The National Historical Geographic Information System – NHGIS) стала с 2007 г. важным историческим проектом для создания и свободного распространения данных, включающих всю имеющуюся совокупную информацию переписей в США с 1790 по 2010 г. В этой базе данных собрана крупнейшая в мире коллекция разной статистики. Статистические и географические данные распространяются бесплатно⁴⁴.

Второе направление развития цифровых гуманитарных наук в рамках публичной истории – это создание новых архивов в Интернете, а также больших банков данных (Big Data). Профессор Университета Чикаго Джеймс Спарроу описал историю о том, как создавался в Интернете архив терактов 11 сентября 2001 года. Более 5 тыс. человек рассказали 11 сентября 2002 г. о своих воспоминаниях об этой трагедии, еще тысячи людей передали личные записи и фотографии того трагического дня. В итоге этими простыми людьми, пожелавшими поделиться их личными воспоминаниями и документами, был создан цифровой архив «September 11 Digital Archive»⁴⁵.

Подобные начинания быстро множатся. В Интернете в последние годы появились и цифровые архивы и просто страницы энтузиастов, изучающих Гражданскую войну в США или показывающих деятельность локальных исторических обществ и музеев. Рой Розенцвейг называл это «Паутиной истории» («The History Web»)⁴⁶. Она настолько разрослась, что ее трудно каталогизировать или описать в одном небольшом тексте.

Таким образом, социокультурные практики публичной истории в США представляют собой весьма обширное движение, которое подводит к важному вопросу: почему необходимо его изучать?

Мы все больше убеждаемся в том, что существует много историй. Анализ практик коммуникаций в столкновении разных историй помогает понять, как государство присваивает и трансформирует народные воспоминания в свою официальную историю, а также и то, как общенациональные образы приобретают разнообразные значения, вытекающие из локальных контекстов.

Сейчас мы не можем сказать точно, существуют ли, и какие, группы интересов в области политики публичной истории в США. Понятно, что есть разные сообщества американских историков на общенациональном

---

⁴⁴ URL: <https://www.nhgis.org/>

⁴⁵ Sparrow J. T. On the Web: The September 11 Digital Archive // Public History: Essays from the Field. P. 397–398.

⁴⁶ Ibid. P. 398.

уровне, в отдельных штатах и университетах. Действует Национальный совет публичной истории. Однако события, связанные со сносом памятников конфедератам, а также другие конфликты показали, что эти организации не очень заметно влияли на политику публичной истории.

Публичная история все больше связана с новой областью цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities). Историкам из мира академии, традиционной истории необходимо изучать эти процессы. Публичная история стала международным движением. Это признак глобализации, если хотите, признак постиндустриального уровня развития общества. Публичная история стирает границы, однако далеко не все. Формы подачи материала остаются национальными, связанными с лингвистическими возможностями, а также особенностями коммуникации социальных групп, институтов государства, университетов. Специфика этих контекстов и практик должна находиться в фокусе изучения профессиональных историков.

Большой раздел публичной истории, во многом недооцененный, — это область преподавания и изучения истории в широком смысле. Это не только и не столько дидактика истории, а новые способы коммуникации между учениками и учителями в едином процессе *teaching / learning*, включенность в этот процесс родителей, работников департаментов образования, политиков и лидеров государств. Опыт публичной истории в США интересен и с этой точки зрения.